

*«Я не научился
любить свою родину
с закрытыми глазами...»*

Пётр Яковлевич
Чаадаев
(1794 – 1856)

*Он вышней волею небес
Рождён в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарской,
А.С. Пушкин «К портрету Чаадаева»*

Многие москвичи знают расположенный между Старой и Новой Басманными улицами Сад имени Баумана. Пройдя на территорию сада, можно увидеть здания старой усадьбы XVIII–XIX вв. Именно здесь, во флигеле усадьбы своих родственников Левашевых, долгие годы прожил «басманный философ» – русский мыслитель Пётр Яковлевич Чаадаев.

Чаадаев родился 27 мая (7 июня) 1794 г. в Москве, в старинной богатой дворянской семье. По линии матери он был внуком князя М.М. Щербатова, известного историка. Рано лишившегося родителей мальчика воспитывали дядя и тетя, которые сумели дать ему хорошее домашнее образование. В 1808–1811 гг. Пётр Чаадаев учился в Московском университете. Во время учебы он близко познакомился с А.С. Грибоедовым, будущими декабристами И.Д. Якушкиным и Н.И. Тургеневым. В эти годы Чаадаева знали как большого любителя книг – и как лучшего в городе танцора.

В мае 1812 г. Чаадаев стал офицером лейб-гвардии Семеновского полка. Товарищи по полку, первоначально считавшие Чаадаева чудачком и щеголем, изменили отношение к нему во время Отечественной войны. Чаадаев участвовал в Бородинском сражении, ходил в штыковые атаки при Кульме. За подвиги был награжден орденом святой Анны и прусским Железным крестом. О молодом офицере отзывались так: «Храбрый обстрелянный офицер, испытанный в трех исполинских походах, безукоризненно благородный, честный и любезный в частных отношениях, он не имел причины не пользоваться глубокоим, безусловным уважением и привязанностью товарищей и начальства». После изгнания Наполеона из Рос-

сии Чаадаев принял участие в заграничном походе русской армии. Во время пребывания в Кракове в 1814 г. он был принят в масонскую ложу.

Вернувшись из Парижа, Чаадаев продолжил службу в лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Царском Селе. Прекрасно образованный, богатый и красивый аристократ, всеобщий любимец, Чаадаев в доме Н.М. Карамзина познакомился с А.С. Пушкиным. Вскоре «молодой мудрец», как его называли, стал другом и учителем юного лицеиста. Пушкин посвятил Чаадаеву три стихотворных послания. Чаадаев же одним из первых оценил талант поэта и называл его «грациозным гением» и «нашим Дантом». Их общение прервалось в 1820 г., когда Пушкин был отправлен в ссылку на Юг. Но переписка продолжалась до самой смерти Пушкина.

Чаадаев был близок ко многим будущим декабристам и в начале 1821 г. был приглашен И.Д. Якушкиным в новое тайное общество (будущее Северное общество). Вот что писал Чаадаев брату Михаилу о своем отношении к восстанию: «Революция в Испании закончилась, король принужден был подписать конституционный акт 1812 г. Целый народ восставший, революция, завершенная в три месяца, и при этом ни одной капли пролитой крови, никакого разрушения, полное отсутствие насилия, одним словом, ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное дело... Происшедшее послужит отменным доводом в пользу революций».

Настроение Чаадаева в то время хорошо иллюстрирует первое из обращенных к нему посланий Пушкина:

*Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой*

Минуты верного свиданья.

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

В 1821 г. происходит неожиданное событие. Накануне получения звания флигель-адъютанта Чаадаев внезапно отказывается от блестящей военной и придворной карьеры и выходит в отставку. Причины этого поступка до сих пор не до конца понятны. Его связывали с тем, что Чаадаев доставил Александру I известие о возмущении Семеновского полка. То ли император остался недоволен чем-то услышанным от Чаадаева, то ли общество осудило эту миссию, то ли сам Пётр Яковлевич счел невозможным служить далее.

Оставив службу, Чаадаев, и до того времени много читавший, увлекся мистической литературой. Здоровье его пошатнулось из-за усиленных занятий, и ему пришлось уехать за границу для лечения. Он посетил Англию, Францию, Италию, Швейцарию и Германию. В Германии Чаадаев познакомился со знаменитым философом Ф. Шеллингом, который отзывался о нем как об одном из умнейших русских. Чаадаев знакомился с идеями европейских теологов, философов, ученых, наблюдал за жизнью других стран. За время путешествия взгляды Чаадаева эволюционировали, приняв философско-мистическую направленность.

В 1826 г., возвратившись домой, Чаадаев увидел уже другую, николаевскую Россию. Многие его друзья после восстания 1825 г.

были казнены или сосланы. В Варшаве Петра Яковлевича обыскали и допросили по делу декабристов, но вскоре отпустили, ограничившись установлением над ним тайного надзора.

В Москве Чаадаев жил затворником, а вскоре уехал в имение тетки под Дмитровом. Четыре проведенных там года были временем напряженной духовной работы, осмысления увиденного и пережитого за годы странствий. Тогда окончательно сложилось мировоззрение Чаадаева, которое философ М.О. Гершензон парадоксально назвал «социальным мистицизмом».

Летом 1831 г. Чаадаев появился в московском Английском клубе: период его затворничества закончился. Петр Яковлевич начал вести активную общественную жизнь, появляясь в светских салонах и высказываясь по актуальным вопросам истории и современности. Отмечаемые современниками просвещенный ум, художественное чувство и благородное сердце Чаадаева снискали ему непререкаемый авторитет. П. Вяземский называл его «преподавателем с подвижной кафедрой». Его скромный кабинет в доме на Новой Басманной каждый понедельник с часу до четырех был открыт для всех. К Чаадаеву приходили представители самых разнообразных общественно-политических взглядов.

Одним из способов распространения своих идей Чаадаев сделал частные письма: некоторые из них ходили по рукам, читались и обсуждались как публицистические произведения. В восьми «Философических письмах», созданных в 1828–1831 гг., доктрина Чаадаева отразилась наиболее полно. В этих письмах содержатся размышления о путях человечества к высшей свободе и великому единству, то есть к Царству Божию на земле. Россия, полагал Чаадаев, восприняла религию и культуру от Византии, находящейся вне Востока и Запада, и потому осталась вне истории мировой цивилизации. Изоляционизму и государственности православия Чаадаев противопоставлял католицизм с его идеей всеобщности и надгосударственности. Характеристика России в «Философических письмах» была довольно пессимистической. «Мы существуем как бы вне времени, и всемирное образование человеческого рода не коснулось нас», – писал Чаадаев. «...Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум – и объе-

динить в нашей цивилизации историю всего земного шара. Не эту роль предоставило нам провидение. Напротив, оно как будто совсем не занималось нашей судьбой. Отказывая нам в своем благодетельном воздействии на человеческий разум, оно предоставило нас всецело самим себе, не пожелало ни в чем вмешиваться в наши дела, не пожелало ничему нас научить. Опыта времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать,

что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения, и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь». Особенностью исторической судьбы России Чаадаев считал «тусклое и мрачное существование, лишненное силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании...

Мы живем одним настоящим, в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя».

В «Философических письмах» Чаадаев остановился и на своем понимании христианской философии истории. «Истина едина, – писал он, – Царство Божие, небо на земле, все евангельские обетования – все это не иное что, как прозрение и осуществление соединения всех мыслей человечества в единой мысли; и это единая мысль Самого Бога, иначе говоря – осуществленный нравственный закон. Вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалиптический синтез».

Свой взгляд на историю как на духовное становление Чаадаев противопоставлял идеям декабристов о внешнем переустройстве общества. Философ утверждал, что вера в широком смысле слова есть важнейший двигатель общественного развития и что она не противоречит науке. Наука познает Бога в творении, и поэтому она, как и вера, идет к познанию Бога, но своим путем. «Это познание развивалось в человечестве постепенно. Проблески истины появились уже в язычестве, ранее, чем мир созрел для восприятия новых истин. Первоначальное откровение завершилось двумя великими откровениями – Ветхого и Нового Завета».

В октябре 1836 г. первое из «Философических писем» решился опубликовать журнал «Телескоп». Публикация (оказавшаяся единственной при жизни Петра Яковлевича) стала важным этапом в формировании русского исторического самосознания. По мнению А. Григорьева, письмо «было тою перчаткою, которая разом разъединила два дотоле если не соединенные, то и не разъединенные лагеря мыслящих и пишущих людей» – западников и славянофилов. Герцен же говорил, что письмо Чаадаева произвело впечатление «выстрела, раздавшегося в темную ночь». Общественный резонанс был огромным. «Философическое письмо» обсуждалось всеми мыслящими членами общества. Целый месяц в Москве и Петербурге спорили, высказываясь «за» и «против» Чаадаева. Студенты Московского университета явились к председателю цензурного комитета графу Строганову и заявили, что готовы с оружием в руках вступить за оскорбленную Чаадаевым Россию.

На публикацию отреагировали и власти. Жандармский генерал Перфильев до-

1.1.2016.2317...

по вопросам размещения рекламы звоните: 787-6250, 787-6252

Столичное образование

«Может быть, никому не был он так дорог, как тем, кто считался его противником, — писал после его смерти Алексей Хомяков. — Просвещенный ум, художественное чувство, благородное сердце... привлекали к нему всех. В то время, когда, по-видимому, мысль погружалась в тяжкий и невольный сон, он особенно был дорог тем, что он и сам бодрствовал, и другим пробуждал... Еще более дорог он был друзьям своим какой-то постоянной печалью, которой сопровождалась бодрость его живого ума».

«Печальная и своеобразная фигура Чаадаева, — вспоминал впоследствии о нем Герцен, — резко отделялась грустным упрёком на темном фоне московской high life... Как бы ни была густа толпа, глаз находил его тотчас — лета не исказили его стройного стана, его бледное, нежное лицо было совершенно неподвижно... воплощенным veto, живой протестацией, смотрел он на вихрь лиц, бессмысленно вертевшихся около него».

нёс своему начальнику Бенкендорфу о всеобщем негодовании, вызванном чаадаевской статьёй. Министр народного просвещения Уваров представил Николаю I соответствующий доклад, на который царь наложил резолюцию: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной — смесь дерзкой бессмыслицы, достойной умаличенного».

Журнал «Телескоп» был закрыт, издатель Н.И. Надеждин сослан в Усть-Сысольск, цензор, пропустивший публикацию, уволен. Сам же Чаадаев был официально объявлен сумасшедшим. Власти припомнили, что психическим расстройством страдал дед философа. Каждый день к нему являлся доктор для освидетельствования; он считался под домашним арестом, имел право лишь раз в день выходить на прогулку... Через полтора года все стеснения были отменены (под условием, чтобы он не смел ничего писать). Пожалуй, этот эпизод следует считать началом истории карательной психиатрии в России.

В 1836–1837 гг. Чаадаев создал «Апологию сумасшедшего», где пытался разъяснить свою позицию. В этом произведении говорится: «И прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божееству. Не через родину, а через истину идет путь на небо. Правда, мы, русские, всегда мало интересовались тем, что — истина и что — ложь, поэтому нельзя и сердиться на общество, если несколько язвительная филиппика против его немощей задела его за живое...»

Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа; но верно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, не совсем похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существование и снова выбросили в океан людских треволнений мою ладью, приставшую было у подножья креста. Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас мно-

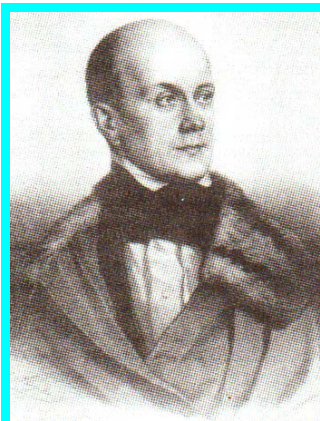
гие дельные умы. Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впасть в их ошибки, в их заблуждения и суеверия».

Необходимо отметить, что по сравнению с «Философскими письмами» взгляды Чаадаева на характер и назначение России несколько изменились. По-прежнему исходя из того, что ее прошлое равно нулю, он предсказывал России великое будущее: оторванность от культурных традиций Запада позволяет учиться на чужих ошибках, отбирать и претворять в жизнь лучшие западные идеи, принципы и установления. «Мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, — писал Чаадаев, — потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам». Чаадаев признавал и уже существовавшие достижения России: «Может быть, превеличием было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина». Философ считал, что Россия призвана быть «совестным судом» человеческого духа и общества. Россия, по его словам, должна понять свое предназначение на земле: «решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество».

История с публикацией «Философического письма» была последним громким событием в жизни Чаадаева. Последние двадцать лет Чаадаев прожил, как пишет М.О. Гершензон, «жизнью мудрых, жизнью Канта и Шопенгауэра, в размеренном кругу однообразных интересов, привычек и дел». Он ежедневно посещал Английский клуб, обедал в ресторане Шевалье, его можно было увидеть в салонах Свербеевых, Елагиной, Орловой. В 1840-х гг. он принимал участие в полемике западников и славянофилов, занимая взвешенную позицию и равно влияя на оба направления. Для Чаадаева по-прежнему была характерна оппозиция по отношению к обществу моему мнению. Так, он один из немногих выступил против критики гоголевской книги «Выбранные места из переписки с друзьями». В начале 1850-х гг. Чаадаев скептически высказался об Александре II: «Просто страшно за Россию. Это тупое выражение лица, эти оловянные глаза».

Умер Чаадаев в Москве 14 (26) апреля 1856 г. от воспаления легких, был похоронен на кладбище Донского монастыря. Исследователи считали Чаадаева то воинствующим западником, то мистиком и консервативным, то деятелем освободительного движения, то чисто религиозным мыслителем. В любом случае влияние оказанное им на общественную мысль России, бесспорно.

Максим Руссо

Он вышней волею небес
 Рождён в оковах службы царской;
 Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
 А здесь он – офицер гусарской.
 А.С. Пушкин «К портрету Чаадаева»

Мы ждем с томленьем упованья
 Минуты вольности святой,
 Как ждет любовник молодой

Мой друг, отчизне посвятим
 Души прекрасные порывы!
 Товарищ, верь: взойдет она,

Минуты верного свиданья.
 Пока свободу горим,
 Пока сердца для чести живы,

Звезда пленительного счастья,
 Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья
 Напишут наши имена!

А. С. Пушкин П. Я. Чаадаеву.

© А. М. Репин. 2004- 1.1.2016- 2.2.2019.

PS. Об А. С. Пушкине см. также <http://econf.rae.ru/article/8428.9224.9222.9257.9275>.

© А. М. Репин. 9.2.2019.